

Брумин Моисей Иосифович (1898 – 1981)

Каждый из 365 дней года для любого пожившего человека имеет свою меру и вес, свою радость и, увы, боль. Вот и для меня день 20 августа отмечен событиями 1942 года подо Ржевом. В этот день 227 стрелковый полк пошёл в наступление, но противник массовым артиллерийским огнём пытался остановить наши войска. Бойцы залегли, залёг и мой отец, рядовой красноармеец Моисей Брумин, выставив вперёд своё оружие – русскую трёхлинейку. Однако разорвавшаяся рядом мина осколком зацепила его. Счастье, что в том наступлении ему удалось уцелеть. Всё обошлось госпиталем на Урале и инвалидностью второй группы.

РЖЕВСКИЙ ЩИТ СТОЛИЦЫ

текст Иосиф Брумин

Отец вместе с младшим братом служил в одной роте. Брата, как более грамотного, определили в пулемётчики. Вместе с напарником им доверили «Максим». Однажды их отправили на задание, возможно, в засаду. И пулемётчики, и пулемёт исчезли... Как потом скупно рассказывал отец, он облазил всю передовую, но даже следов установки пулемёта не нашёл. Исчезновение брата свело в могилу его тяжелобольную жену. Троих детей-сирот раскидали по детским домам. Тяжесть сиротства отразилась на всей их взрослой жизни.

Отец, как и большинство участников боевых действий, о войне не говорил. Если кто-то затевал подобный разговор, на его лице отражались боль и ужас пережитого. Я помню, что ещё молодым куратором студенческой группы попросил проректора по хозяйственной работе в вузе, участника гражданской войны, рассказать о ней студентам. И я впервые увидел этого рослого, пожилого, умного и ещё красивого человека настолько растерянным и растроганным. С влажными глазами он отказался наотрез. Нет! Война – не повод для говорильни.

Тогда молчали о трагедии подо Ржевом, скрывая первоначальное неумение воевать наших командиров всех рангов. Молчали и о жалком техническом обеспечении, и о бытовой нищете. Солдаты с голоду ходили по колхозным полям, отыскивая лежалые картофелины, а потом на лопатах пекли. Отец как-то сказал, что он, как мастер-кузнец, носил в кармане шинели зубило и в сёлах предлагал женщинам сделать насечку на серпе или косе за пару вареных картошек. И только перед самой смертью, уже в постели, сознался сыновьям, что оружие ему на фронте так и не вручили. Первый свой кавалерийский карабин он раздобыл на недавнем поле боя. Однако нашёлся дошлый сержант и отобрал, видно, счёл слишком жирной находкой для простого солдата. Потом на поле боя отец нашёл и винтовку-трёхлинейку.

О Ржевской операции написано много, и прежде всего, её участниками. Самым трогательным я считаю воспоминание армейского старшины Вячеслава Кондратьева, в мирной жизни художника и писателя. Название повести самое простое, как солдатская жизнь, – «Сашка». Ржевская операция унесла более миллиона жизней наших бойцов и командиров. И только сибирские дивизии спасли фронт и Москву. Сибирь вполне заслуживает звание спасительницы столицы.

В память о том страшном сражении недавно создан «Ржевский мемориал советскому солдату». Он расположен недалеко от деревни Хорошево. Это для нас святое место, здесь вёл бой вместе с другими 227 стрелковый полк. Отец в числе запомнившихся ему сёл называл и Хорошево. Для меня это память об отце и дяде. И душевно больно, что я физически не могу приехать и пасть на колени перед великолепной фигурой русского солдата, главного победителя всех наших войн. Художественный образ, созданный 33-летним скульптором Андреем Коробцовым, восхищает. Русский солдат Андрея Коробцова – вечный хранитель своего Отечества.

За годы войны в советскую армию было призвано около 34,5 миллионов человек. То есть каждый шестой житель страны. Из них погибли 8 миллионов 668 тысяч человек, не вернулись из плена – 1 миллион 850 тысяч. Около 13,7 миллионов человек составили потери среди мирного населения. Не только уничтожение нашего государства, но истребление его населения было задачей фашистской Германии. Ей помогали союзники, которые выставили в нацистскую армию в общей сложности около 2 миллионов своих солдат. Не было в истории России подобных угроз!

В уничтожении принимали участие почти все европейские народы. Даже те немногие нейтральные страны, в войне формально не участвовавшие. Их правители разрешали своим добровольцам в оккупированных зонах СССР грабить и убивать. В интернете можно найти цифры

уничтоженных советских людей каждым европейским народом, включая те, что до войны состояли в советских республиках. Жалкие по размерам и обильные в своей вечной русофобии прибалтийцы убивали советских людей под пение национального гимна. Особое зверство они учиняли над евреями. Украинские полицаи, так называемые бандеровцы, сожгли более 500 белорусских сёл, часто вместе с населением. 21 июля 1941 года они сожгли мою родную деревеньку Бабиновичи Лиозненского района Витебской области. В огне погибли мои бабушка и дедушка, родители мамы. Всего из моих близких родственников погибло 15 человек, в том числе три семьи полностью. Лиозненский район был превращён гитлеровцами в базу их войск, и это дало повод вместе с украинской полицией уничтожить тысячи евреев...

У человечества принято восхищаться европейскими искусствами, культурой, наукой. Считаю, что расправа над беззащитными советскими людьми перечеркнула, точнее, перекрестила все европейские достижения. Это вечный всеевропейский позор. Сегодня мы видим продолжение европейской неприязни к России. Если быть по-русски снисходительным, то можно предположить, что им стыдно за своих предков. А если быть по-русски безапелляционным, то допускаю, что им хочется повторить подлость своих дедов и прадедов.

Мне по возрасту не довелось воевать. Только косвенно я участвовал в войне 1950–1953 годов в Северной Корее. В 1952 году дивизион торпедных катеров Тихоокеанского флота, в котором я служил, был технически самым новым и передовым в дивизии. Это была его первая флотская кампания. Замечательный командир дивизиона, героический участник войны на Северном флоте капитан II ранга Иван Борисович Антонов, «наш батя», сумел в первый же год из команды молодых матросов, собранных со всего сухопутья страны, и выпускников высших военно-морских училищ, командиров катеров, создать перволинейное подразделение. И нам доставалось больше других дивизионов. Особо служба в дежурном звене и особо – осенью.

«Дежурное звено» – это три торпедных катера при полном вооружении, включая боевые торпеды. От звена требовалась высокая готовность личного состава к немедленному выходу в море.

Поздней осенью, уже при первом обледенении у береговой кромки, нам сыграли боевую тревогу и отправили к Советско-Корейской границе. Там, у мыса Гамова, нам необходимо было найти подбитый американцами советский истребитель МИГ-15. Командир похода, офицер штаба дивизии, сказал, что у пилота есть надувная лодка и средство быстрой еде накачки. В моторном отсеке на боевом посту, над головой, был палубный люк. При первой необходимости я в нём поднимался до плеч и видел обледенелую палубу с надстройками и обветренную, хотя и добротную одетую, палубную команду. У меня зами-

Праправнук Витя Мальков в шествии «Бессмертного полка» с портретом прапрадеда Моисея Брумина на Красной площади 9 мая 2018 года

рало сердце: на такой волне и при такой погоде пилоту не выжить. Пилот был мой ровесник, и это волновало. Переживал как за родного. Дома его ждут мама и папа. Ждут его самого, живого, а не похоронку о нём...

Когда после безрезультатного поиска, уже за полночь, вернулись к месту стоянки звена, командир похода перед строем сказал, что обломки самолёта нашёл десантный корабль, но самолёт и пилот разбились насмерть о камни родного берега.

Я это описал в областной газете, и вдруг в селе Кинель-Черкассы откликнулся бывший инженер авиационного полка, где служил тот самый пилот. Он знал и помнил его. Он и назвал пилота: лейтенант Кожметьев. Как сохранить память ещё об одном погибшем русском воине? Ведь кроме майора Гришина (если ещё жив?) и меня, вероятно, никого, кто помнит этого лейтенанта, не осталось...

Вся тысячелетняя история России пропитана кровью её защитников, павших от древних мечей, секир, пик и от современных ружей, пушек, бомб. Звучит ныне и теряется в глубинах прошлого вечный всероссийский плач матерей, жён, детей над безвременно ушедшими из жизни солдатами. Беречь память о них – святой долг каждого, кто родился и живёт в России.

Прекрасный поэт Евгений Евтушенко задал всему миру вопрос «Хотят ли русские войны?» Думаю, в ответе он не нуждается. Восемьдесят лет ведётся поиск останков погибших в годы Великой Отечественной. И конца ему нет... Но есть и с каждым годом становится всё глубже наша душевная признательность добровольцам-поисковикам всех команд страны, которые, без преувеличения, олицетворяют совесть великой России.